

Н. Долинина

Полковник Берг

Зачем он взял шпагу в левую руку, когда его ранили в правую, и пошел вперед?

Берг напоминает Молчалина: у того два качества — *«умеренность и аккуратность»*, этот, в свою очередь, «во время похода получив роту, успел своею *исполнительностью и аккуратностью* заслужить доверие начальства». Действительно, Молчалин и Берг — одного толка чиновники. Но люди они разные, и, может быть, Берг сложнее.

Мы еще не знакомы с ним, когда слышим впервые его имя, — Наташа, «разгорячась», говорит Вере:

«У каждого свои секреты. Мы тебя с Бергом не трогаем... Ты кокетничай с Бергом сколько хочешь...»

Уже то, что с Бергом кокетничает Вера — красивая, холодная, спокойная Вера, всегда говорящая неприятные вещи, так непохожая на остальных Ростовых, — уже одно это настораживает.

Но вот и он сам — «свежий, розовый... безупречно вымытый, застегнутый и причесанный» — сидит в кабинете старого графа Ростова и «розовыми губами» выпускает дымок «из красивого рта».

Берг неприятен нам сразу, как неприятен Толстому, и он не изменится; с первых страниц до последних он останется тем же аккуратным, рассудительным, чисто вымытым розовым офицером; только чины его будут меняться.

«Берг говорил всегда очень точно, спокойно и учтиво. Разговор его всегда касался только его одного; он всегда спокойно молчал, когда говорили о чем-нибудь, не имеющем прямого к нему отношения... Но как скоро разговор касался его лично, он начинал говорить пространно и с видимым удовольствием».

Все его рассказы — это рассуждения вслух о своей выгоде: «Будь я в кавалерии, я бы получал не более двухсот рублей в треть, даже и в чине поручика; а теперь я получаю двести тридцать...», «Я, знаете, граф, не хвальнось, могу сказать, что я приказы по полку наизусть знаю... Поэтому, граф, у меня по роте упущений не бывает. Вот моя совесть и спокойна».

Бергу выгодно не только получать двести тридцать рублей, но и быть честным. Он заботится не только о повышении в чине, но и о спокойной совести. Он по-своему патриот: встретившись с Ростовым на войне, «надел чистейший, без пятнышка и соринки, сюртучок, *взбил перед зеркалом височки кверху, как носил Александр Павлович*, и... с приятной улыбкой вышел из комнаты». Его патриотизм — в подражании и преданности царю.

У него тоже есть свой нравственный идеал: «В нашей породе фон Бергов, граф, все были рыцари...» Согласно этому нравственному идеалу, он и совершил «подвиг» при Аустерлице: взял шпагу в левую руку и пошел вперед. Ему было страшно, но он преодолел страх. Он имел право уйти с поля боя, но не ушел, остался...

Зато уж потом он выжмет из своего «рыцарского» поведения все, что возможно.

Это не грубый расчет, нет. Это такой самоуверенный эгоизм, что можно было бы ему удивляться, если бы он редко встречался в людях. Но, к сожалению, он встречается не так уж редко.

Берг не просто расчетлив, эгоистичен, скуп — он твердо убежден, что иначе жить нельзя; поэтому ему не стыдно рассказывать о том, как переводом в гвардию он уже выиграл чин перед своими товарищами по корпусу, как в военное время ротного

командира могут убить и он, оставшись старшим в роте, может очень легко быть ротным...»

Это напоминает уже не Молчалина, а Скалозуба: «Довольно счастлив я в товарищах моих; вакансии как раз открыты: то старших выключат иных; иные, смотришь, перебиты...» Но Скалозуб — тупой полуграмотный солдафон, а Берг — милый, учтивый, аккуратный...

Для графини Веры Ростовой Берг вовсе не блестящая партия. Несколько лет назад его предложение, несомненно, было бы отклонено, да и он сам, четыре года назад показав Веру своему товарищу и сказав: «Она будет моею женою», — не торопился делать предложение. Он был безвестный дворянин из обрусевших немцев; она — девушка из богатой и знатной семьи. Но Берг терпелив — он ждал четыре года, и за это время многое изменилось: «дела Ростовых были очень расстроены... а главное, Вере было двадцать четыре года, она выезжала везде, и, несмотря на то, что она несомненно была хороша и рассудительна, до сих пор никто никогда ей не сделал предложения».

Граф Илья Андреевич объясняет Верину непохожесть на всю свою семью тем, что «графинюшка мудрила» со старшей дочерью. Мало вероятно, чтобы любящая мать могла так много «намудрить». Ростовы, живущие открыто, по-старинному, не задумываясь, просто не заметили, как их старшая девочка становилась все холоднее и эгоистичнее по мере того, как появлялись новые дети и требовали своей доли материнских забот. Конечно, ее баловали, как баловали и Николая, и Наташу, и Петю, — но те трое любили друг друга, учились у отца быть добрыми и думать не только о себе. Рядом с ними росли Соня и Борис, нуждавшиеся в душевном тепле... Вера же с детства поняла, что ей мешают остальные дети, что они лишние; недаром она делает выговор Николаю за взятую у нее чернильницу; недаром возмущается «секретами» Наташи и Сони; все они ее раздражают; у нее одна забота — о себе.

Берг правильно выбрал себе жену и правильно рассчитал время, когда сделать предложение. К 1809 году он уже не тот безвестный офицер, который сидел в кабинете графа Ростова в 1805 году.

«Берг недаром показывал всем свою раненную в Аустерлицком сражении правую руку и держал совершенно ненужную шпагу в левой. Он так упорно и с такою значительностью рассказывал всем это событие, что все поверили в целесообразность и достоинство этого поступка, — и Берг получил за Аустерлиц две награды».

Еще две награды он получил за то, что в Финляндской войне «поднял осколок гранаты, которым был убит адъютант подле главнокомандующего, и поднес начальнику этот осколок».

Самое поразительное, что, упорно повторяя рассказы об этих своих подвигах, Берг вовсе не думает о карьере: он любит себя и убежден, что каждый его поступок значителен и важен другим людям, что всем интересно знать, как он отличился. В результате в «1809 году он был капитан гвардии с орденами и занимал в Петербурге какие-то особенные выгодные места».

И женился он вовсе не по расчету. Вера давно произвела на него впечатление. Еще в 1805 году он «с нежной улыбкой говорил с Верой о том, что любовь есть чувство не земное, а небесное», и верил тому, что говорил. Вера — та жена, какая ему нужна, «прекрасная, почтенная девушка... Вот другая ее сестра — одной фамилии, а совсем другое, и неприятный характер, и ума нет того, и эдакое, знаете?.. Неприятно...» Берг женился по любви, как он понимает любовь, «но надо, чтоб жена принесла свое, а муж свое», поэтому он торгуется со старым графом самым натуральным образом: «Берг, приятно улыбаясь, объяснил, что, ежели он не будет знать верно, что будет дано за Верой, и не получит вперед хотя части того, что назначено ей, то он принужден будет отказаться».

— Потому что, рассудите, граф, ежели бы я теперь позволил себе жениться, не имея определенных средств для поддержания своей жены, я поступил бы подло...»

И граф Ростов, конечно, дает ему даже больше денег, чем он требует, потому что старый граф от таких разговоров теряется, ему чего-то стыдно, и он хочет поскорей закончить с расчетами.

Трудно представить себе таких разных людей, как Илья Андреевич Ростов и Берг. Старый граф разорился, угощая обедами и ужинами всю Москву, а Берг даже товарищу своему хотел было сказать: «вот будете приходиться к нам обедать», но сказал: «чай пить». Но ведь расточительный граф Ростов оставил своих детей без денег, и жена его, став вдовой, будет перебиваться только благодаря самоотречению сына; а Берг и родителям своим устроил аренду, и детям своим оставит приличное состояние.

Чем же плох аккуратный, старательный, очень твердо соблюдающий свое представление о долге и чести Берг?

Тем, что его представление о чести и долге бесчеловечно, в нем нет места другим людям. Это обнаружится со всей ясностью гораздо позже, когда наполеоновская армия подойдет к Москве, и русские купцы, еще вчера втридорога продававшие сено своим, сегодня будут жечь его, чтобы не досталось врагу; Наташа начнет выкидывать из подвод вещи всей семьи, чтобы увезти с собой раненых; весь народ — то есть каждый человек! — будет думать не только о себе; но люди, подобные Бергу, останутся собой — и сам он, такой же чистенький, как всегда, будет озабочен покупкой шифоньерочки для своей любимой жены.

Не стану верить, что Берг когда-нибудь расплатился за то, что жил так мелко и самодовольно. Нет. Он всю жизнь будет чувствовать себя счастливым и таких же вырастит детей; он никогда ни в чем не раскается. Чацкий был по-своему прав, когда говорил: «Молчалины блаженствуют на свете». Они блаженствуют потому, что их счастье легко достижимо. Да, Берг счастлив. Но ведь это так нетрудно — добиться его идеала счастья!

Вот он сидит, уже полковник, в «чистеньком с иголки мундире, с припомаженными наперед височками, как носил государь Александр Павлович», в своем «новом, чистом, светлом, убранном бюстиком, и картинками, и новой мебелью кабинета», рядом красивая жена его в новой кружевной пелеринке, какая была на княгине Юсуповой... К ним съезжаются гости, и Берг счастлив оттого, что «вечер был как две капли похож на всякий другой вечер... все было, как и у всех», и в серебряной корзинке были точно такие же печенья, «какие были у Паниных на вечере, все было совершенно так же, как у других».

Этот идеал жизни враждебен Толстому прежде всего потому, что люди не должны быть одинаковыми. Стремление быть, как все, рождает мещанина, а мещанство, может быть, самая тяжкая болезнь общества. Там, где граждане превратились в мещан, останавливается духовное развитие людей и страны, там невозможен прогресс.

Аккуратная и безобидная на первый взгляд психология Берга несет с собой гибель нравственности. Не спешите смеяться над Бергом — он не смешон, а страшен. И в особенности потому, что его идеал счастья не умер, он есть и сегодня: красивая жена, новенькая с иголки одежда, квартира — все, как у других, как у всех... Посмотрите вокруг себя — разве вы не видите людей, замолкающих, как только разговор не касается лично их, истово убежденных, что главное в жизни — их благополучие и продвижение по службе. Загляните в свою душу — вы уверены, что там не притаился Берг? Кто изгонит его, кто защитит вас от него, если не вы сами?